

О том, что сегодня вечером вы идете в театр, было решено за несколько дней. Потому что туда нельзя побежать, как в кино, на ходу, увидев на афише заинтересовавшее вас название фильма. Нет, на театр вы настраиваетесь заранее, уже представляя себе приглушенный шум нарядного фойе, неслетливые, настроенные на ожидание лица ваших соседей в зрительном зале и, наконец, актеров, не разделенных экраном, а живых, обращающихся сегодня вечером к вам, к людям, сидящим в этом зрительном зале. И все минуты волнения и завороченности будут неповторимы, единст-

Человеческое и профессиональное в актере связаны, спаяны, как ни в какой другой работе. В артисте на сцене всегда виден человек.

Так уж получилось, что Александру Данильченко дважды с перерывом в десять лет пришлось играть Севку из спектакля по пьесе В. Лаврентьева «Чти отца своего». В первом Севке Александр любил все безоговорочно. А черты, с собой общие, выделял, подчеркивал. Это было полное самовыражение. Искренность, предельная честность, жажда добра, юношеский максимализм — все это в Севке было так близко и дорого юному Саше Данильченко!

мья», «обаятельного пошляка» (как назвал он для себя) Сильву из спектакля по пьесе Вампилова «Свидание в предместии», низменного во всех проявлениях характера Павла из спектакля «Старик» по пьесе Горького. Все должно быть, «как в жизни». И все поведение актера на сцене, каждый жест действительно наполнены такой импровизационной легкостью, словно не было до этого огромного труда, моральной и физической отдачи. А на этот счет у Александра Данильченко такое мнение.

Актер должен работать только с полной отдачей, фантазируя, пробуя в поисках десятки вариантов.

К ПРАЗДНИКАМ НЕ ПРИВЫКАЮТ

* ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ *

венны и только ваши в этот вечер.

Да, театр — это всегда немного праздник. Порой прекрасный, порой не совсем удавшийся. Но это обязательно ожидание праздника. Что же за люди работают здесь, люди, которые должны превращать свою каждодневную работу в праздники для нас?

Актер должен оставлять все свое волнение, раздражение, беспечность за порогом служебного входа в театр. Перед началом работы он — чистый белый лист. Только так.

Может быть, это заявление Александра Данильченко, артиста Краснодарского театра драмы имени М. Горького, слишком категорично? Вероятно. Но это первая заповедь актера, в которую он верит безоговорочно, всей душой. Потому что в зрительном зале собрались сотни людей, и им нет дела до твоих обид, житейских неприятностей. Какая прекрасная, волшебная профессия — актер! Ты выходишь на сцену под настороженное молчание зала. Первые реплики, первые минуты, и нейтральная тишина непостижимым образом превращается в сопереживание, согласие. Ты не смотришь в зал, но чувствуешь это всем своим существом: вот сейчас ты свободно ведешь за собой людей, всех разом, как по волшебству, улыбающихся тебе, потом одновременно вздохнувших с тобой, потом задумавшихся о тебе.

Однако свобода от всего сиюминутного, житейского нужна и для репетиции. Иначе состояние героя, который рождается именно в эти дни на репетициях, будет соответствовать не столько логике характера, сколько твоему сегодняшнему настроению.

Итак, артист перед началом работы — чистый белый лист. И это ничуть не противоречит другому убеждению А. Данильченко,

Прошло время, и на смену пришло аналитическое отношение к своему герою и пьесе в целом. А для Севкиного характера уже было мало одного Саши Данильченко. На сцене создавался полнокровный художественный, обобщающий образ юноши, воспитанного всем строем нашей жизни. И для этого потребовались наблюдения. Истоки характера, причинность связей искались и находились не только в себе, но и в окружающей жизни.

В театре существует выражение — умение партнеровать. С таким актером работать и приятно, и легко. И дано это не всякому артисту. Так вот, Александр Данильченко умеет партнеровать. Это с удовольствием подтверждают его товарищи по сцене. А Саша говорит, что это помогает ему самому в работе. Иной раз нащупываешь образ героя через партнера, отталкиваясь от него, противопоставляя себя ему. Так было с образом Комкова из спектакля по пьесе А. Гельмана «Премия». Широко мыслящему, бескомпромиссному и в то же время доброму бригадир, коммунисту Потапову Данильченко противопоставил своего ограниченного, напористого «передового» бригадира Комкова. И их поединок, профессиональный и нравственный спор, прекрасно играют на главную мысль спектакля.

Но для того, чтобы в зрительном зале вызвать определенную реакцию на своего героя — а Саша просто ненавидит Комкова, — нужна узнаваемость. Только тогда люди тебе поверят, увидят и отреагируют в жизни на Комковых. И, наверное, нужно быть очень добрым, чтобы с такой беспощадной достоверностью выставить, именно выставить, своих «отрицательных героев» перед людьми в зрительном зале: недалекого и хамоватого Комкова из спектакля «Пре-

Подтверждение этого тезиса мы находим почти в каждой работе актера. Работает Александр Данильченко на сцене с упоением, увлекаясь, радуясь и даже... выбываясь из канвы спектакля. Так проходил репетиционный период спектакля «Плавни» по пьесе Крамаренко. Этот спектакль Данильченко считает этапом в своей актерской судьбе. Здесь впервые произошла его встреча с режиссером, народным артистом СССР Михаилом Алексеевичем Куликовским. Именно у него Александр учился профессиональной культуре на протяжении многих лет, в десятках спектаклей. А начало было положено в «Плавнях». Тимка, молодой казак, честный и непосредственный, запутался, замялся между белыми и красными. Потом он придет к настоящей правде, но процесс этот будет нелегким и небыстрым. Понравился Саше казак Тимка. И такое он наизумывал, нафантазировал своему герою, что работать стало сплошным удовольствием. А Куликовский... не верил этим придумкам, отmetal многое. Тогда были обиды, а потом пришло понимание: «Мой Тимка не вписывался в канву спектакля». Результатом совместной работы стал живой, симпатичный герой со своей радостью, болью, со всеми своими жизненными проблемами — как частица сложной и противоречивой жизни периода становления Советской власти на Кубани, изображенной в пьесе.

А сколько изобретательности, юмора, безудержного веселья в «сказочных» работах Данильченко — во всех этих скоморохах, королях, добрых молодцах. И когда смотришь на сцену, невольно думаешь, что работа там, на сцене, для актера не меньшее удовольствие, чем театральное зрелище для его маленьких друзей в зрительном зале. Что же касается органичности актера на сцене, обаяния, то это две тайны, которые не объяснишь, не проанализируешь, которые либо есть, либо нет. Это то, что дается актеру сверх мастерства и ума. Не все роли Александром Данильченко были раскрыты до конца, исчерпывающе, мастерски. Но почти всегда мы попадали под обаяние его образов, под обаяние актера.

...Какие же люди должны работать здесь, в театре? Наверное, самые разные. Александр Данильченко родился в театральной семье, играл с детьми в театральном дворе во «взрослые» спектакли, прошел все театральные специальности — от костюмера, электрика, рабочего сцены до актера. Для него театр — дом привычный, родной и вместе с тем всегда таинственный и праздничный.

К. АКОПОВА.